

Михаил Жванецкий

О братьях наших меньших

Белка

У нас в саду в Одессе завелась белка.
Ела сливы, абрикосы.
Самое неожиданное: это оказался белка-мужчина.
Уже седой, одинокий, холостой, не запасливый.
Никого не боится.
Одинокий никого не боится.
Детей нет.
Жизни не жалко.
На кота плюет, грызками. На пса замахнулся!
Потом спустился вниз и что-то сказал.
Пес умолк и отвалил.
Прыгает белка слабо.
Дом у него на соседнем участке.
В наш сад он тащится поесть.
С трудом взлезает на дерево.
Белка уже пожилой, лет пять-шесть.
Абсолютно одинокий.
От этого злопамятный.
Говорит сам с собой.
Никто в его душу не заглядывал.
Веселых белок легкого поведения не видно.
Он белка один на весь наш сад.
Урожай слив и абрикос то есть, то нет.

И белка такой – то жирный, то тощий.
То не показывается неделю, на запасах сидит,
то у нас сливу разглядывает.
Из его дупла по ночам визг сиплый, старческий.
Из дупла без удобств.
Выбросил оттуда чьего-то ребенка-птичку и долго
проклинал родителей.
Злобно глянул вниз и улегся спать.
Ни о нем никто не заботится, ни он.
Заплесневелый кусок абрикоса, три обглоданные
кости персика, две фасоли, украденные из борща пса
Кеши, и тяжелые мысли о зиме.
Опять голодуха.
Зимой все белки бодрые, свежие.
Этот рыжий, седой, слюнявый и злобный.
Соседи били.
Воровал грецкие орехи.
Разгрызть не мог, но крал, старая сволочь. Причем
с шумом, с побоями на обратном пути.
А ведь был белка красивый, изящный.
Профукал жизнь.
Соорудил в дупле что-то вроде занавески.
Жив или спит?
Никто не знает...
Пес Кеша облаял как-то, занавеска шевельнулась,
но никто не выглянул. Ветер, а может, дыхание... Кто
разберет.
Больше не колышется.

Морис и Василиса

Английский кот Морис, по прозвищу Манюня, жил в холоднящей стране, под столицей, в местности, называемой Подстоличье, в двухэтажном доме, на первом этаже, на всем готовом.

Он лежал и деградировал.
Он деградировал сначала на левом боку.
Потом на правом боку.
Потом на спине, безобразно раскинув ноги, показыва-
вая всем мужские недостатки.
Да. Да... Достоинств уже не было.
Покладистый характер у котов вырабатывается по-
сторонними людьми.
Он понимал, что все его любят, но участвовать
в этом не мог.
И эта вечная зима, кроме буквально нескольких
дней в мае.
Зима заканчивалась долгой поездкой на машине
и жарой.
На родине он такого не видел.
Сильный мороз и сильная жара.
На вечно зеленой и туманной родине он не бывал.
Мамочка, вылизывая его, что-то рассказывала
о Лондоне, о демократии, о почитании родственников...
Черт их дернул перевести маму в этот мороз и жару.
А он все время ошибался. Когда кто-то входил,
он выскакивал на улицу и замирал...
В нос бил холод. Босиком по снегу он пробежал
2-3 фута и задним ходом под злорадные крики лысого
противного хозяина: «Ага, не нравится ему наша рус-
ская зима! Вползай обратно».
«А вам она нравится?» – шептал он.
С большим трудом, со второго раза, устраивался
на подоконнике и до вечера смотрел в окно.
Лондон! Да!..
Он часто слышал от всех: «В Лондон... В Лондон...»
Но у него Лондон был настоящий. В крови.
И тут его выгнуло дугой. Нет, его не рвало от новой
родины.

Просто впервые за четыре года на него смотрело такое же существо, но привычное к холоду, голоду, бездолью, безрыбью.

Простое деревенское кошачье личико.

Он хотел согнать, избить, чтоб не заслоняла этот проклятый снег.

Он орал, кашлял и орал не нее.

Позвал хозяйку. Они вдвоем рассматривали эту тварь.

– Тоже мне красавица, – сказала хозяйка, – глазки кучкой, хвост в мусоре, рябая морда – деревня. Морис, она тебе не нужна... Пошла вон.

И грубо согнала деревенскую с той стороны подоконника.

– Надо узнать, кто она.

Оказывается, живет у сторожей, звать Василиса.

Беспородная маленькая распутница. А что еще делать в городе приезжей?

– Морис, поверь мне, она тебе не нужна. Это не наш круг.

Он поверил.

Но опять пошел снег.

И опять появились следы на снегу.

Он шипел на кого-то ночами, отгонял...

И добился своего. Следов больше не было.

Он каждую ночь и каждый день лежал на подоконнике и смотрел на снег.

Чистый белый...

И тогда он вышел и брезгливо пошел по снегу к сторожке и лег там...

Его искали. Нашли.

На руках принесли в дом...

Он вышел днем, побежал к сторожке и лег на снег...

Его опять принесли на руках.

Сторож звонил:

– Ваш опять у нас.

Он лежал на снегу...

И она появилась.

Похудевшая, голодная, ничего не видящая вокруг.

Из сторожки вышел человек... От него в нос ударил знакомый запах.

Он вспомнил этот запах и это безразличие после него.

– Вас оперировали? – спросил он у Василисы.

– Чего? Это кто?.. Я и не помню. А вы идите. Чего вы лежите на снегу... Я до лета не выйду.

– Меня тоже оперировали.

– Чего это?.. Я и слов таких не знаю... Идите, дядька... А то я сейчас Павла позову... Не ошивайтесь. Чего вы ошиваетесь? У вас там тепло, телевизир. Идите, дяденька. Не приставайте. Дуст наш, овчарка, все допытывался, кто вы и откуда... Молодая бешеная... Вы идите быстрее... И главное, дома сидите... Вы вон какой тихий, вежливый... Порвет он вас.

– За что?

– Вот за это. Бегите... И больше не надо... Больная я...

Теперь лежит он на полу.

Уже и не Морис он... Нет, не Морис. Манюня...

Иногда спросит меня:

– Зима у них закончилась?

– Нет. Ты что? – отвечаю я и смотрю на часы.

– Ну, нет так нет...

И дремлет потихоньку, прикрыв глаза правой лапой.

– Манюня, ты несчастен? – спросил я его.

– А что это? – сквозь сон пробормотал англичанин и снова задремал.